Такое простое счастье

Автор:
Дженни Лукас

Такое простое счастье

Дженни Лукас

Любовный роман – Harlequin #774

Десять лет назад отца Летти арестовали за мошенничество, и она в одночасье из богатой наследницы превратилась в изгоя. Летти отказалась от любимого мужчины, Дариуса Кириллоса, чтобы спасти его от презираемой семьи. А Дариус, сын шофера, сделал карьеру и стал миллиардером. Снова встретив Летти спустя десять лет, он не простил ей предательства. Дариус утолил жажду мести, проведя с ней ночь и выгнав вон, но он не ожидал, что страсть к Летти в нем не угасла. А теперь Летти отталкивает его…

Дженни Лукас

Такое простое счастье

The Consequence of His Vengeance

© 2017 by Jennie Lucas

«Такое простое счастье»

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

Глава 1

Летти Спенсер вышла на темную улицу из вращающейся двери дешевого бруклинского ресторанчика и сгорбилась под порывом холодного февральского ветра.

– Летисия, – раздался сзади низкий голос.

Летти мгновенно выпрямилась.

Летисией ее больше никто не называл, даже отец. Летисия Спенсер была богатой наследницей Фэрхоулма, а Летти – одна из многих нью-йоркских официанток, едва сводящих концы с концами.

А этот голос так похож на… Прозвучал, как…

Она медленно повернула голову. И… задохнулась.

На обочине тротуара около блестящей черной спортивной машины в свете уличных фонарей стоял Дариус Кириллос. Красивый и неотразимый, в дорогом черном шерстяном пальто, снежинки вьются и падают ему на плечи, на темные волосы.

Дариус? Здесь?

* * *

– Ты видела это? – возбужденно произнес утром отец, разложив газету на кухонном столе. – Дариус Кириллос продал свою компанию за двадцать миллиардов долларов! – Он поднял глаза, замутненные от анальгетиков, недавно сломанная рука висела на перевязи. – Летти, ты бы позвонила ему… вдруг он снова в тебя влюбится.

– Дариус? – прошептала она. – Это… ты?

Он шагнул к ней. Свет от фонарей падал только на темные волосы, присыпанные снегом, а лицо было в тени. Летти думала, что он исчезнет, стоит ей коснуться его. Но она на это не осмелится.

А он коснулся ее. Протянул руку и погладил темный завиток, выбившийся из завязанных в хвост волос, и накрутил на палец.

– Ты удивлена?

Все тот же голос… густой, с легким акцентом – раннее детство он провел в Греции. Он – не видение. Сердце громко забилось. Дариус… Мужчина, страсть к которому она целых десять лет пыталась побороть. Мужчина, о котором помимо воли мечтала ночами. Он здесь. Сейчас.

– Что ты тут делаешь?

Темные глаза оглядели ее с головы до ног.

– Я приехал за тобой.

Теперь свет падал на его лицо. Он совсем не изменился. Он все тот же, каким она его помнила. Тот же юноша, которого она полюбила еще маленькой девочкой, а потом, когда выросла, ее закружила запретная любовь. До того, как пожертвовала своим счастьем, чтобы спасти его.

Он провел рукой по ее плечу. Ей хотелось плакать, хотелось спросить его, почему он так долго не появлялся.

Она заметила, что его взгляд задержался на ее одежде: старое пальто не застегнуто – сломалась молния – и видно застиранное ресторанное белое платье. На ногах белые ортопедические туфли – чтобы ноги не болели. И ноги у нее… голые, потому что последние колготы порвались.

Проследив за его взглядом, Летти покраснела:

– Я не одета…

– Не важно. Поедем.

– Поедем? Куда?

Он взял ее руку в свою, и она уже не замечала ни холода, ни снега.

– На Средний Манхэттен. Там у меня пентхаус. – Он смотрел на нее сверху вниз. – Ты поедешь?

– Да!

Он повел ее к блестящему низкобортному спортивному автомобилю, открыл дверцу, и она села в салон, где приятно пахло дорогой кожей. Этот автомобиль стоит никак не меньше того, что она заработала за десять лет в ресторане. Летти провела рукой по красивой телячьей коже бледно-кремового цвета.

Дариус сел рядом и завел мотор, автомобиль рванул вперед и понесся в темноте в сторону престижных районов Парк-Слоуп и Бруклин-Хайтс. Они пересекли Манхэттенский мост и въехали в район Нью-Йорка, который больше других облюбовали туристы, – Манхэттен.

– Итак, – с усмешкой произнес он, – твой отец вышел из тюрьмы.

Летти неуверенно посмотрела на него из-под ресниц.

– Недавно.

Дариус снова взглянул на ее старое пальто и видневшееся форменное платье.

– И теперь ты готова изменить свою жизнь.

Это что – вопрос или предложение? Он имеет в виду, что это он хочет изменить ее жизнь? Он узнал правду о том, почему она предала его десять лет назад?

– Изменения даются не просто, – тихо сказала она.

– Это так. – Он крепче сжал руль.

Летти не сводила глаз с его профиля, от темных прямых бровей, носа с горбинкой, чувственных губ. Ей все еще казалось, что она спит. Дариус Кириллос… После стольких лет он разыскал ее в дешевом ресторане и везет в свой пентхаус. Он – единственный мужчина, которого она любила…

– Почему ты за мной приехал? – шепотом спросила она. – Почему именно сегодня, после стольких лет?

– Твое сообщение…

Она не посылала ему никаких сообщений.

– Какое сообщение?

Он улыбнулся:

– О’кей. Пусть будет по-твоему.

Сообщение? У Летти промелькнуло подозрение. Отец хотел, чтобы она увиделась с Дариусом. Мог отец послать Дариусу сообщение от ее имени со старого компьютера?

Не важно. Если отец и вмешался, то ей следует быть ему благодарной за результат.

Отец наверняка рассказал подлинные причины, почему она предала Дариуса десять лет назад. Если это не так, то она не представляет, чтобы Дариус стал с ней разговаривать.

Но как тогда узнать?

Покусав губу, Летти сказала:

– Я прочитала о тебе в газете. О том, что ты продал… свою компанию.

– А! – Подбородок у него напрягся. – Все правильно.

– Поздравляю.

– Спасибо. Компания стоила мне десяти лет жизни.

Десять лет…

Автомобиль въехал на Манхэттен – обитель богатства и жестокости, место, которое она избегала почти десять лет после суда и приговора отцу.

Она опустила глаза на потрескавшиеся руки, сжатые на коленях.

– Я много о тебе думала, спрашивала себя, как ты. Надеялась, что у тебя все хорошо… что ты счастлив.

Дариус остановился на красный свет и взглянул на нее.

– Очень мило, что ты думала обо мне, – растягивая слова, произнес он.

За окном – холодная ночь, фары проезжавших машин бросают блики на резкие контуры его лица. Зажегся зеленый свет, и они направились к Первой авеню, проехав площадь ООН, свернули с Сорок девятой улицы на широкое пространство Парк-авеню и подъехали к новой постройке – небоскребу из стекла и металла на южной стороне Центрального парка.

Дариус въехал в порт-кошер[1 - Порт-кошер – въездная арка для автомобиля. (Здесь и далее примеч. пер.)], и Летти вытянула шею, удивленно спросив:

– Ты здесь живешь?

– У меня два верхних этажа, – небрежно бросил он.

Машину открыл улыбающийся портье, и Дариус отдал ему ключи, а сам обошел вокруг машины, открыл Летти дверцу и протянул ей руку.

Она вложила свою ладонь в его, и Дариус провел ее через величественный вестибюль с высоким потолком.

– Добрый вечер, мистер Кириллос, – поздоровался консьерж. – Какая холодная погода. Надеюсь, вы не замерзли?

– Не замерз. Спасибо, Перри, – ответил Дариус.

Он поднес брелок с ключом к панели лифта и нажал на семидесятый этаж. Дариус не отпускал руку Летти. Он стоял совсем близко, возвышаясь над ней, от него исходило тепло. Летти закусила губу, не в силах посмотреть на него. Они вошли в лифт, и она уставилась на электронное табло, где мелькали цифры этажей: шестьдесят восемь, шестьдесят девять, семьдесят…

Звякнул колокольчик, и двери раздвинулись.

– После тебя, – сказал Дариус.

Летти шагнула вперед, он вышел следом, за спиной бесшумно закрылись двери лифта.

Они шли через холл под современными хрустальными светильниками. Летти смущал стук резиновых подошв ее специализированных туфель по мраморному полу. Но красивое лицо Дариуса оставалось бесстрастным. Они вошли в большую комнату высотой в два этажа, мебели почти не было, а та, что стояла, была угловатая в черно-серой гамме. Повсюду, куда ни повернись, окна от пола до потолка.

Дариус снял пальто, не зажигая света.

Летти, нервно сжимая ремень сумочки, посмотрела в окна. Она увидела темный массив Центрального парка, высокие здания у реки Гудзон и огни Нью-Джерси вдали, а на юге небоскребы Среднего Манхэттена с Эмпайр-стейт-билдинг. Сверкающих огней ночного города было достаточно, чтобы осветить пентхаус.

– Какая красота. Потрясающе, – вырвалось у нее. Она прижалась лбом к холодному стеклу, глядя вниз на Парк-авеню. Машины и желтые такси выглядели крошечными муравьями. У Летти едва не закружилась голова от такой высоты… она словно находилась в облаках.

– Красота – это ты, Летисия, – произнес за спиной хриплый голос.

Она обернулась. Синий свет газового камина падал ему на лицо. С чего она взяла, что Дариус не изменился?

«Он совершенно изменился».

В тридцать четыре года он уже не был стройным, худощавым юношей, а превратился во внушительного мужчину, широкоплечего и мускулистого. Прежде у него были темные беспорядочные кудри, теперь – короткая стрижка, подчеркивающая строгую линию скульптурно вылепленных скул.

Все в Дариусе теперь сдержанно-строго, начиная от покроя дорогой одежды – черная рубашка с незастегнутой верхней пуговицей, черные брюки, черные кожаные ботинки – и заканчивая манерой держаться. Губы утратили мягкость, были изогнуты в надменной и даже злой полуулыбке.

Он возвышался над ней подобно королю в своем дворце – пентхаусе, – а весь город Нью-Йорк лежал у его ног.

– Летисия…

– Летти, – поправила его она и выдавила улыбку. – Меня больше никто не называет Летисией.

– Я не мог тебя забыть. И то лето, когда мы были вместе…

То лето… Танцы на лужайке. Поцелуи ночью после ее бала дебютанток. Бегство от любопытных глаз слуг в огромный гараж Фэрхоулма, где они неделями прятались в винтажных автомобилях. Она была готова уступить ему во всем.

Но Дариус не хотел близости без свадьбы, он хотел, чтобы их любовь была закреплена браком.

– Нет. Пока ты не станешь моей женой… – шептал он, когда они, полуодетые, сжимали друг друга в объятиях, тяжело дыша на заднем сиденье старинного лимузина. – Пока ты не станешь моей навсегда.

Это время не настало. Их роман был запретный. Ей едва восемнадцать, она дочь хозяина, он старше ее на шесть лет и сын шофера.

У них было лето невинной страсти, а когда ее отец узнал об этом, то приказал Дариусу убираться вон. Целую неделю Дариус и Летти не виделись. Потом он ей позвонил.

– Давай убежим, – предложил он. – Я найду работу, мы снимем мансарду в городе. Главное, чтобы мы были вместе.

Летти не могла не уступить ему. Поэтому они решили убежать на Ниагарский водопад – «столицу молодоженов».

Но в ту ночь, когда он ожидал ее в машине за воротами Фэрхоулма, Летти не появилась.

И она не отвечала на его бесконечные звонки. На следующий день она даже убедила отца уволить Юджиниуса Кириллоса, отца Дариуса, который проработал в поместье шофером двадцать лет.

Даже тогда Дариус отказывался поверить в их разрыв. Он продолжал звонить до тех пор, пока не получил сухое сообщение:

«Я использовала тебя, чтобы привлечь внимание другого. Он богат и обеспечит мне ту жизнь, которую я заслуживаю. Неужели ты на самом деле думал, что такая девушка, как я, согласится жить в мансарде с таким, как ты?»

Это сработало.

Но это было ложью. Никакого другого мужчины не существовало. В зрелом возрасте двадцати восьми лет Летти все еще оставалась невинной девушкой.

Все эти годы она клялась себе, что Дариус никогда не узнает, какую жертву она принесла, чтобы он смог следовать своей мечте. Пусть это и означает ненависть к ней.

Но Дариус, судя по всему, узнал правду. А иначе как объяснить то, что он ее нашел?

– Значит, тебе известно, почему десять лет назад я предала тебя? – Летти была не в силах встретиться с ним взглядом. – Ты меня прощаешь?

– Не важно, – оборвал ее он. – Сейчас ты здесь.

Она все же взглянула на него и увидела животный голод в его глазах.

Он снял ремешок сумки с ее плеча, снял с нее пальто.

Летти посмотрела на форменное платье с пятном от кофе – еще одно было от кетчупа около беджика с ее именем слева на груди – и прошептала:

– Неужели ты до сих пор… хочешь меня?

– Я хотел тебя тогда… – Он взял в ладони ее лицо и прошептал: – И хочу сейчас.

Жаром обдало все ее тело. Она облизнула губы. Взгляд Дариуса упал на ее рот.

Он снял заколку с ее волос, и длинные пряди рассыпались по плечам. Дариус погладил ее по щеке.

Он такой высокий, до него не дотянуться. У Летти внутри все трепетало, в точности как в те дни, когда ей было восемнадцать. Быть с ним рядом сейчас… Вся та мука, боль, печаль и усталость прошедших десяти лет исчезли подобно дурному сну.

– Я так долго скучала по тебе, – задыхаясь, сказала она. – Ты – все, о чем я мечтала…

Он приложил к ее губам палец. Боже! Достаточно легкого прикосновения, чтобы ее прострелило насквозь. Терпкий мужской запах ударял Летти в голову. Запах Дариуса…

Дариус крепко обнял ее, опустил голову к ее лицу. Его поцелуй был обжигающим и совсем не нежным, щетина колола ей кожу. Летти поцеловала его в ответ, сгорая от желания.

У него вырвался глухой стон, и он прижал ее к стене. Рывком расстегнул все пуговицы на платье. Летти охнула – он видит ее грудь в незатейливом бюстгальтере, видит простые трусики.

– Сними это, – прошептал он и, не дожидаясь, стянул с нее платье и кинул на пол. Встав на колени, снял с нее туфли.

Летти, почти голая, стояла перед огромными окнами, из которых был виден весь город.

Дариус поднялся и впился ей в губы. Летти, ничего не соображая, начала расстегивать ему рубашку. Она погладила его по груди с порослью темных волос и задрожала. У нее под пальцами его теплая, мягкая, как бархат, кожа и твердые, стальные мышцы.

Пусть он прижмется к ней всем телом…

Руки Дариуса у нее на плечах, на бедрах, на груди. Он целовал ее страстно, грубо терзая ей губы. А она теребила его волосы, голова кружилась от желания.

Поцелуи спустились на шею, потом под бюстгальтер прямо на голую грудь. Соски мгновенно напряглись и заныли. Он просунул руку ей за спину и расстегнул бюстгальтер.

Он упал на пол. Теперь на ней были одни трусики. Дариус наклонил голову и взял в ладони ее голую грудь. Запрокинув голову, Летти вцепилась в его

крепкие плечи.

У нее перехватило дыхание – его жаркие, влажные губы прильнули к соску. Тело прострелило, словно молнией. Летти тихонько стонала.

И все это происходило на фоне потрясающей панорамы Нью-Йорка.

Она и не пыталась сопротивляться, когда он подхватил ее на руки и отнес в спальню, где по обеим сторонам тоже были высоченные окна. За ними виден весь Средний Манхэттен от Крайслер-билдинг до Эмпайр-стейт-билдинг.

Дариус уложил ее на кровать, расстегнул запонки, стянул рубашку и бросил ее на пол. От него исходила сила. От натренированного торса, рук с выпирающими мышцами, широких плеч. Раздевшись и скинув ботинки, он лег на кровать.

Он начал целовать ее в губы, жесткие, требовательные. Он хочет ее… Ей хорошо и приятно от тяжести его тела. Все это время она думала, что их любовь закончилась, но сейчас чувствует, знает, что ничего не изменилось. Они – те же двое, молодые и влюбленные.

Поцелуи струились по всему телу, по груди, по животу до края трусиков. Руки Дариуса гладили ее, она трепетала от счастья.

– Ты моя, Летти, – шептал он. – Наконец.

Летти провела пальцами по его спине, ощупывая каждый мускул. Он задвигался, и она почувствовала его напряжение. Желание гнездилось у нее внизу живота и росло.

Дариус спустил с нее трусики, развел ей бедра и встал на колени. Она замерла и зажмурилась. Его руки приподняли ее, он медленно опустил голову и стал целовать ей бедра и… самые интимные места. Она дернулась, но он ее не отпускал. Волны наслаждения захлестнули ее, она едва могла дышать, когда он коснулся языком самой чувствительной точки. Она – словно бабочка, приколотая к стене. Бедра сами собой изогнулись, она ухватилась за простыни, чтобы… не взлететь наверх, в небеса.

Наслаждение набегало бесконечными волнами. Какая радость! Она никогда не переставала его любить. А сейчас он простил ее. Он хочет ее. Он тоже любит ее.

Извиваясь и задыхаясь, Летти вскрикнула от счастья.

Он приподнялся, закинул ей руки за голову, прижав ладони к подушке, и его бедра оказались у нее между ног. Летти все еще парила в высоте вся во власти немыслимого счастья, когда он резким движением вонзился в нее. Она чувствовала, как он заполняет ее собой, и открыла глаза от потрясения и боли.

У него вдруг выпрямилась спина, он застыл и смотрел на нее, тяжело дыша:

– Ты никогда не была в постели с мужчиной?

Она кивнула, закрыла глаза и отвернулась, чтобы он не заметил, что у нее готовы политься слезы. Она не хочет испортить красоту их ночи, но боль разрывала ее.

Он хрипло произнес:

– Не может быть. Как… после стольких лет?..

Летти открыла глаза и сказала единственные слова, которые подавляла десять лет:

– Потому что я люблю тебя, Дариус.

Глава 2

Летисия Спенсер – невинная девушка?

Невозможно. Прошло десять лет…

Но ее слова поразили его еще сильнее.

– Что это значит – ты любишь меня? – выдавил он.

Темные ресницы задрожали – на него смотрели большие, красивые, сияющие карие глаза.

– Я никогда не переставала тебя любить.

Дариуса переполняли далеко не добрые чувства, а холодная, постепенно растущая ярость.

Когда-то он любил Летти Спенсер так сильно, что думал – без нее он умрет. Она была его ангелом, его богиней. Он возвел ее на такой пьедестал, что даже настоял на том, чтобы с занятием любовью они повременили – он хотел прежде жениться на ней.

От воспоминаний ему сделалось тошно и стыдно.

Как же низко она пала. Сегодня она прислала ему сообщение – первое за десять лет, когда она так хладнокровно его бросила, – и предложила себя. За деньги.

Целый день Дариус старался забыть об этом сообщении, посмеяться и забыть. Он давно пережил свою любовь к Летти. Заплатить сто тысяч долларов, чтобы сегодня переспать с ней? Он не платит за секс. Женщины бьются за его внимание, супермодели падают в его постель.

Но что-то внутри не забыло прошлого и побуждало увидеть ее в последний раз.

Только просить будет она. А он будет тем, кто ее отвергнет.

В тот день он подписал контракт на продажу своей компании, создавшей мобильное текстовое приложение, которым пользовались пять миллионов пользователей по всему миру, с технической корпорацией на сумму двадцать миллиардов долларов. Девяносто процентов акций принадлежали ему, а это означает, что он получил восемнадцать миллиардов долларов за вычетом налогов.

Но вместо того, чтобы радоваться триумфальной компенсации за десять лет неустанной работы, мысли его были заняты Летисией, женщиной, когда-то его предавшей. Он представлял ее то танцующей сексуальный экзотический «танец семи вуалей», то в обольстительном черном белье. И она умоляет его лечь с ней в постель.

После подписания документов он стремительно покинул офис, чтобы быть подальше от поздравлений и празднования. Все, о чем он думал, – это Летти с ее предложением.

Он не один час уговаривал себя отказаться от этого. Затем, сжав зубы, поехал в Бруклин, в тот ресторан, где, как говорилось в сообщении, она работала.

Дариус не собирался спать с ней – в этом он себя убеждал. Он лишь хотел заставить ее почувствовать свое ничтожество и стыд – то, что когда-то чувствовал он. Увидеть ее унижение. Увидеть, как она молит его позволить ей доставить ему удовольствие.

И вот тогда он скажет, что больше не находит ее привлекательной, и швырнет ей в лицо деньги. Он посмотрит, как она их возьмет и, сгорая от стыда, уйдет прочь. Он же до конца жизни будет знать, что победил.

Он жаждал мести больше, чем секса.

Или так думал.

Но все пошло не так. Увидев Летти выходящей из дешевого ресторана, он был поражен ее внешностью. Она не выглядела вымогательницей. Такое впечатление, что она старается быть незаметной. Никакого макияжа, в незастегнутом пальто видно белое форменное платье.

Хотя даже тогда его к ней потянуло. Как ей удалось оставаться чертовски сексуально-притягательной?

Когда Дариус вез ее в пентхаус, чтобы насладиться местью, то позволил себе лишь один поцелуй.

Огромная ошибка.

Податливое тело Летти заставило его забыть о всех планах мести. Десять лет он безумно хотел эту женщину, а сейчас обнимает ее голую. И она готова на все.

Отчего же не взять то, что ему дают? Почему не вкусить сладости ее тела и таким образом раз и навсегда стереть наконец-то память о ней?

Летти, обнаженная, лежала под ним, глаза сияли.

– Скажи что-нибудь, – попросила она.

Дариус сжал губы. После бессердечного предательства и десятилетнего молчания она заявляет ему, что любит его. Что на такое ответить? Пошла к черту?

Но он ее раскусил. Она не просто хочет получить за себя сто тысяч долларов. Сегодняшняя ночь – это пробный шаг, она рассчитывает заставить его хотеть большего.

Она прочитала о продаже его компании в газетах и решила, что пора ей заполучить его миллиарды. Она сохраняла невинность все эти годы, так почему не нажиться?

«Она его любит».

Холодный гнев охватил Дариуса. Неужели она считает, что стоит ей сказать, что она его любит, он упадет к ее ногам, как прежде? Что он все тот же влюбленный дурачок?

Если Дариус и презирал ее до сегодняшнего дня, то это ничто по сравнению с тем, что он чувствует к ней сейчас.

Дариус жаждал мести.

Он хотел подать ей надежду, а затем сокрушить. Так, как она сделала когда-то. Это не было бы местью. Это – справедливость.

– Дариус? – Тень беспокойства пробежала у нее по лицу.

Он наклонился к ней и поцеловал почти что нежно. Она задрожала, блики света перебегали по ее телу, оно дразнило своими изгибами, и он понимал, что не устоит.

– Прости, что причиняю тебе боль, agapi mu[2 - Любовь моя (греч.).], – глухо произнес он. Ложь. Его губы коснулись нежной кожи щеки и убрали две слезинки с ресниц. – Но боль пройдет. – Еще одна ложь. Он позаботится, чтобы боль длилась до конца ее жизни. Он мрачно улыбнулся.

Поцелуй, который она получила, нежным не назовешь: жесткий, даже грубый. Он знает, как соблазнить, подчинить себе.

А вдруг она лишь изобразит желание? Нет. Он отбросил эту мысль. Подобного оскорбления он не допустит. Он уверится в том, что она не симулирует, а каждую секунду получает от него наслаждение.

Он не торопясь ласкал ее. Она обхватила его за плечи, потянула на себя и начала целовать в ответ. Он двигал бедрами, проверяя, готова ли она принять его. И лишь когда она, тихонько постанывая, тоже задвигалась под ним, он во второй раз медленно стал проникать в ее лоно, не сводя взгляда с ее лица. Он понял, что добился своего, когда увидел, как оно изменилось от восторга, и почувствовал, как ее лоно смыкается.

Они сплелись в единое целое, и трудно было понять, кто где.

Удовольствие и боль.

Ненависть и страсть.

Дариус был весь в поту, его рывки делались все глубже. У нее колыхалась грудь, она задыхалась, извивалась под ним и, чтобы выдержать его напор, уперлась руками в изголовье кровати.

Он захлебнулся в обладании ею, поглощал ее плоть, ее сладость, одновременно терял себя и находил. И каждая клеточка его души, которая до сего момента

была пустой, волшебным образом наполнилась светом.

Откуда-то издалека он услыхал глухой, прерывистый крик и понял, что этот звук исходит из собственного рта. Ее голос вторил его крикам.

Тело Дариуса содрогнулось в последнем судорожном рывке, и он повалился на нее, оба были мокрые от пота.

Прошло много времени. Дариус открыл глаза и увидел, что Летти спит. В изумлении он смотрел на нее. Как он раньше удовлетворялся бледными и тощими супермоделями, которые чередовались в его постели? То, что он получил сейчас, оказалось самым лучшим сексуальным опытом в его жизни.

«Это ненависть».

Он десять лет ненавидел ее, подавлял страсть к ней и наконец овладев ее телом, погасил темные силы в душе, жаждущие мести.

Дариус отстранился от нее и… окаменел.

У него порвался презерватив.

– Ты проснулся? – послышался голос Летти.

Она, заспанная и прелестная, темные волосы рассыпались по подушке.

Он опять ее хочет. Дариус смотрел на нее и приходил в ярость. Она действует на него как наркотик.

Дариус встал и взъерошил волосы.

– Дариус, что с тобой?

– Ты меня любишь? – повторил он свой вопрос.

– Это правда, – прошептала она.

Дариус вытащил серые спортивные штаны из стенного шкафа и натянул их прямо на голое тело.

– Ты меня не любишь, – ледяным тоном произнес он. – Тебе даже не известно значение этого слова. Когда я думаю о том, как я тебя боготворил, то мне становится тошно. Особенно сейчас – сейчас мы оба знаем, какая ты на самом деле.

– Я не понимаю…

– Эта ночь… вся эта ночь… Не притворяйся, что ты не понимаешь.

– Я не понимаю!

– Не прикидывайся. Ты продала мне свою девственность за хорошую цену – сто тысяч долларов.

Слова эхом разлетелись по спальне. Оба молча смотрели друг на друга.

– О чем ты говоришь?

– О твоем имейле. Ты написала, что тебе нужно заплатить какому-то бандиту, сломавшему руку твоему отцу. Он грозился переломать ему остальные кости, если через неделю не получит сто тысяч долларов. Это правда? Или просто удобное оправдание?

– Отец сломал руку… да. – Летти натянула одеяло до подбородка. – Но я не посылала никакого имейла.

– Тогда кто же? – усмехнулся он.

Щеки у Летти зарделись.

– Я… – Она потерла глаза. – Вот почему ты заехал за мной? Ты покупал меня на ночь?

– А ты что подумала?

– Я подумала… – Она запнулась, – я подумала, что ты простил меня за то, что я сделала…

– Десять лет назад? Ты оказала мне услугу. Мне без тебя было лучше. – Дариус усмехнулся, и это была усмешка хищника. – Твой другой жених, должно быть, быстро понял то же самое, раз больше не появился. Чего я никогда тебе не прощу, так это того, как твой отец обошелся с моим. Из-за вас он рано умер. Он лишился работы, лишился сбережений. Он потерял все и после сердечного приступа умер. Умер из-за вас.

– Дариус, все не так, как ты думаешь. Я…

– О! Это следующая часть твоей роли? Теперь ты изобразишь себя святой? Давай, Летти. Расскажи мне, что твое предательство было ради моего же блага. Объясни, как вы уничтожили мою семью и какая это была огромная личная жертва, потому что ты очень сильно меня любила. Ну же, расскажи мне о своей любви.

Летти открыла рот. И закрыла.

– Понятно. Все в точности, как я и думал, – холодно заключил Дариус.

Летти заморгала и произнесла всего одно слово:

– Пожалуйста…

Но сочувствие в его душе было выжжено. Он пожал плечами:

– Я думал, что занятно будет снова тебя увидеть. Я вообще-то не собирался спать с тобой, но ты охотно пошла на это, и я подумал: почему нет? – Он со скучающим видом вздохнул: – Хотя я заплатил за всю ночь, но уже потерял интерес. И, как один предприниматель другому, скажу по секрету: ты дешево себя продала. Ты могла бы рассчитывать на более высокую цену за свою невинность. Если пойдешь дальше в этом направлении, то даю тебе совет: не продешеви. Как это теперь называется? Платная любовница? Профессиональная

герлфренд?

Летти покачала головой:

– Как ты можешь быть таким жестоким? Когда ты приехал к ресторану, я увидела прежнего мальчика, которого любила…

– Да ну? – Он склонил голову набок, и темная бровь полезла вверх. – А, правильно. Поскольку сохраняла невинность все эти годы, ты подумала, что если затеешь небольшой романчик, то покоришь меня, как было раньше. «Я люблю тебя, Дариус. Я не переставала тебя любить», – передразнил ее он.

– Прекрати! – крикнула она и закрыла уши руками. – Пожалуйста, прекрати!

Одеяло соскользнуло с нее, обнажив грудь. Дариус увидел розовые соски и тут же ощутил вкус ее тела, ее лона. То, что он переспал с ней, не утолило его желания. Наоборот. Он захотел ее только сильнее.

И это бесило.

Резко отвернувшись, он подошел к столу, вытащил из бумажника банковский чек, вернулся к кровати и бросил ей.

– Вот. Полагаю, что это подведет итог нашей сделке.

Летти, как в тумане, подобрала чек с одеяла.

– Если у тебя на сегодня есть еще клиент, то я тебя не задерживаю, – процедил он сквозь зубы.

Она на мгновение закрыла глаза и прошептала:

– Ты чудовище.

– Это я чудовище? – Он злобно рассмеялся. – Я?

Летти поднялась с постели. Дариус ждал, не бросит ли она чек ему в лицо и тем самым докажет, что он не прав. Сделай она это…

Но она не сделала. Она подняла с пола свои трусики и пошла к двери. Дариус посмеялся над собой за наивность. С какой стати ей отказываться от заработанных денег ради чести или гордости!

Она вышла из спальни в гостиную, он последовал за ней, наблюдая, как она подобрала валявшиеся бюстгальтер, туфли и платье. Натянув трусики, она быстро надела платье и застегнула оставшиеся пуговицы – половина пуговиц была сорвана, когда он в спешке раздевал ее. На Дариуса она не смотрела.

А он хотел, чтобы посмотрела. Хотел увидеть в ее глазах унижение.

Летти запихнула бюстгальтер в сумку, сунула босые ноги в туфли.

– Как неприятно, что презерватив порвался, – сказал он.

– Что?

– Презерватив. Разумеется, я им пользовался. Но он порвался. Так что, если ты залетела, сообщи. – Он усмехнулся. – Мы договоримся о цене.

Теперь он был вознагражден – она наконец повернулась и в ужасе посмотрела на него:

– Ты мне заплатишь? За ребенка?

– Почему нет? Я же заплатил за то, что создал ребенка. Я никогда не женюсь на тебе, Летти, поэтому твои вымогательства заканчиваются чеком у тебя в сумке. Если вдруг случится, что ты забеременела, то единственная для тебя возможность обогатиться, – это продать мне нашего ребенка.

– Ты сошел с ума!

– А ты мне отвратительна. – Он подошел к ней, глаза – куски льда, голос хлестал. – Я ни за что не допущу, чтобы мой ребенок воспитывался тобой и

преступником, которого ты называешь отцом. – И добавил уже вкрадчиво: – Я найму сотню юристов и утоплю вас обоих.

Летти обомлела, затем отвернулась, но он успел заметить заблестевшие слезы.

– Пожалуйста, отвези меня домой, – еле слышно попросила она.

– Отвезти тебя домой? – расхохотался он. – Ты не гостья. Ты – временная прислуга, и часы твоей работы истекли.

Глава 3

Летти, дрожа от холода, брела к станции метро на Лексингтон-авеню. Шел уже второй час ночи, когда она села в экспресс, крепко прижимая сумку в полупустом вагоне. Ей было очень страшно.

В Бруклине она, окоченевшая, спустилась по лестнице надземной станции и пошла пешком по темным улицам. Магазины закрыты, кругом ни души, холодный ветер бил по заплаканным щекам.

Она ведь думала, что произошло чудо, когда увидела Дариуса.

Как она могла так ошибиться?

Летти подошла наконец к своему четырехэтажному дому с осыпающимся кирпичным фасадом и ветхой пожарной лестницей. Нажав на кодовый замок, она открыла дверь.

Две лампы в подъезде перегорели, осталась лишь одна без плафона, едва освещавшая почтовые ящики, пол с разбитой плиткой и разбросанные по углам старые рекламные листки. Даже среди ночи по бетонной лестничной клетке разносились крики жильцов, лай собак и детский плач, пахло прокисшей едой.

Еле передвигая ноги, она поднялась по лестнице на четвертый этаж, достала ключи и отперла замок-задвижку. Дверь со скрипом открылась.

– Летти! Ты вернулась! – Отец с нетерпением приподнялся с кресла. На нем помимо фланелевой пижамы был надет халат, а сверху накинуто одеяло, поскольку батареи работали плохо. Выключив телевизор, он спросил: – Ну что?

Летти уронила сумку на пол и повалилась на диван.

– Как ты мог? – с трудом произнесла она.

– А как еще я мог бы соединить вас с Дариусом? Нужен был подходящий предлог.

– Ты… шутишь? – Летти едва не разрыдалась.

Говард Спенсер сдвинул брови.

– Так ты и Дариус снова вместе?

– Нет, конечно! Как ты мог послать ему сообщение от моего имени? Предложить ему меня на ночь!

– Я пытался помочь. Ты так долго его любила, но отказывалась связаться с ним. Или он с тобой. Я подумал…

– Что? Ты решил, что мы немедленно упадем друг другу в объятия?

– Ну… да.

Летти, вне себя от гнева, в упор смотрела на него.

– Ты сделал это не ради меня! – Сунув руку в сумку, она вытащила банковский чек. – Ты сделал это вот для чего! – И кинула чек отцу.

У того тряслись руки, когда он подхватил чек, а когда увидел сумму, то выкатил глаза и облегченно произнес:

– Слава богу.

– Как ты мог? Как ты мог меня продать?

– Продать? – Отец непонимающе смотрел на нее. – Я тебя не продавал! – Он выпутался из одеяла, встал с кресла и уселся рядом с ней на диван. – Я счел, что вы поговорите, и он все поймет. Я думал, что вы оба перешагнете через гордость. Он мог дать деньги, а мог и не дать. – Но… но в любом случае вы бы снова были вместе. Вы же любите друг друга.

– Выходит, ты сделал это ради любви. – Летти скептически прищурилась. – И тот факт, что ты сегодня утром прочитал о миллиардах Дариуса, не имеет к этому отношения?

Отец заерзал, опустил глаза и дрожащим голосом сказал:

– Видишь ли, я подумал, что не будет греха, если также разрешить и мою проблему с… недовольным клиентом.

Летти едва не убила его взглядом. Злые слова готовы были сорваться с губ, но… он старый и несчастный, сидит на продавленном диване. Этим человеком она когда-то восхищалась и беззаветно любила.

Он поседел и облысел, череп в пигментных пятнах, лицо, раньше веселое и красивое, теперь исхудало, на щеках – глубокие морщины. Он иссох и ссутулился, халат на нем висел. Почти десять лет в тюрьме состарили его на тридцать лет.

Говард Спенсер, юноша из среднего класса Оклахомы, приехал в Нью-Йорк и сколотил состояние, полагаясь исключительно на свое обаяние и умение хорошо считать. Он влюбился в Констанс Лангфорд, единственную дочку обедневшей аристократической семьи. У Лангфордов почти не было денег, а имение Фэрхоулм было заложено. Но Говард Спенсер, вне себя от счастья, что женится на Констанс, заверил ее, что беспокоиться о деньгах ей не придется.

Он сдержал обещание. Пока жена была жива, он действовал осмотрительно, осторожно и разумно. Он создал инвестиционный фонд, и ему везло. Лишь после неожиданной смерти жены он стал опрометчив, все чаще рисковал, пока однажды его уважаемый и надежный фонд не превратился в финансовую пирамиду и вдруг испарились восемь миллиардов долларов.

Месяцы ареста и суда над Говардом стали месяцами кошмара для Летти, а еще ужаснее было беспокойство за него, когда он сидел в тюрьме. Но видеть, в какого старика он превратился сейчас, оказалось самым тяжелым испытанием.

Глядя на его поникшие плечи, потухшие глаза и руку в гипсе, Летти забыла о своем гневе. Остались только печаль и отчаяние.

Она посмотрела на отца:

– Почему ты не сказал мне, что кто-то сломал тебе руку, папа? Почему сказал, что это несчастный случай?

– Не хотел, чтобы ты волновалась.

– Волновалась?! – закричала Летти. – Какой-то ублюдок сломал тебе руку и угрожал, если ты не вернешь ему деньги?

– Я же знал, что смогу со всем разобраться. – Отец выдавил улыбку. – Как только я получу подписанный чек…

– Откуда тебе известно, что не появятся еще головорезы, требуя деньги, узнав, что ты уже кому-то заплатил?

Отец этого не ожидал.

– Но большинство тех, кто вкладывал средства в мой фонд, порядочные люди. Никакого насилия я не жду!

Летти заскрежетала зубами. Для человека, проведшего в федеральной тюрьме больше девяти лет, он был до странности простодушным.

– Ты должен был сказать мне.

– Зачем? Что ты могла сделать? Только волновалась бы. Или хуже – попыталась бы сама поговорить с этим человеком и подверглась бы опасности. – Он решительно сжал губы. – Я не знал, даст ли Дариус деньги, но действительно думал, что стоит вам с Дариусом взглянуть друг на друга, и вы снова будете счастливы. – Он улыбнулся, и улыбка получилась жалкой.

– Дариус счел меня вымогательницей, – обреченно прошептала она.

– Как он мог такое подумать! – возмутился отец. – Ты ведь сказала ему, что это не ты посылала сообщение.

– Он мне не поверил.

– Но… Ты что, не рассказала ему, что случилось тогда, десять лет назад? Не рассказала, почему не убежала с ним?

– Нет, – еле слышно ответила Летти. – Дариус меня не любит. Он ненавидит меня сейчас еще больше, чем до нашей встречи.

Морщинистое лицо Говарда исказилось от горя.

– Боже мой, девочка моя…

– Но сейчас и я его ненавижу. – Летти подняла голову. – Это все, чего я добилась, и я этому рада. Я тоже его ненавижу!

Отец испугался:

– Но я этого совсем не хотел!

Летти вытерла глаза и кисло улыбнулась:

– Я потратила впустую слишком много лет, мечтая о нем, тоскуя по нему. С этим покончено.

Да. Того Дариуса Кириллоса, которого она любила, больше не существует. Любовь к Дариусу навсегда умерла, и ее единственное спасение – это забыть его.

Но через месяц Летти поняла, что забыть его не получится. Никогда.

Она беременна от него.

Летти сделала тест на беременность, а когда увидела положительный результат, то пришла в ужас. Но ужас вскоре сменился радостью – она представила, как баюкает очаровательного толстенького младенца.

Она сказала об этом отцу.

– Я стану дедом? – Говард пришел в восторг. – Это чудесно! А когда ты скажешь Дариусу?

Вопрос отца испугал Летти. Она вдруг осознала, что ребенок не только ее, но и Дариуса.

Он ее ненавидит.

Он грозился забрать у нее ребенка.

Летти решительно тряхнула головой:

– Я ни за что не скажу ему про ребенка!

Отец похлопал ее по плечу.

– Знаю, ты зла на него. Но это в прошлом! Мужчина имеет право знать, что он будет отцом.

– Зачем? Чтобы попытаться отнять ребенка, раз я ему ненавистна?

– Отнять ребенка? – Отец рассмеялся. – Как только Дариус узнает, что ты беременна, он забудет про свой гнев и вспомнит, как он тебя любил. Вот увидишь. Ребенок вас соединит.

Летти покачала головой:

– Ты живешь в выдуманном мире. Он сказал мне…

– Что сказал?

Летти отвернулась. В голове стучал холодный злорадный голос: «Я ни за что не допущу, чтобы мой ребенок воспитывался тобой и преступником, которого ты называешь отцом».

– Нам необходимо экономить деньги, – прошептала она. – Немедленно.

– Почему? Как только ты выйдешь замуж, тебе уже не придется беспокоиться о деньгах, – заявил Говард с довольным видом. – Ты и мой внук всегда будут жить в достатке. О вас есть кому позаботиться.

Летти понимала, что отец не в силах поверить, что Дариус захочет ее уничтожить.

Они должны как можно скорее уехать из Нью-Йорка.

Но переезд требовал денег, а они едва сводили концы с концами. Надо оплатить аренду, залоговый депозит и транспорт, чтобы перевезти вещи.

Следующие месяцы доказали, что страхи Летти небезосновательны. Скопить не удавалось, а деньги таяли, потому что прибавились расходы на медицинское обслуживание для нее и на сеансы физиотерапии отцу.

Но, к счастью, после того как Говард заплатил прежнему вкладчику, ему больше не угрожали, требуя денег.

В конце августа в Нью-Йорке было не продохнуть от жары. Летти находилась на грани безумия. Она уже не могла больше скрывать свой выпирающий живот

даже под широченными отцовскими шортами. В ресторане все знали, что она беременна, в том числе и ее подруга Белл Лангтри. Она постоянно поддразнивала Летти:

– Ну и кто отец? Прекрасный принц? Помнится, я видела тебя однажды с темноволосым мужчиной в спортивном автомобиле.

Нет. Это был не Прекрасный принц. Отец ее ребенка не принц, а эгоистичное, жестокосердное животное. И он хочет отнять у нее ребенка.

Наконец, когда кончался срок годовой аренды квартиры, Летти поняла, что дальше ждать не может. За две недели она предупредила владельца ресторана, что увольняется. Хотя достаточную сумму денег скопить не удалось, время поджимало.

Первого сентября Летти встала, когда еще не рассвело, плеснула в лицо холодной водой и посмотрела в зеркало на свое осунувшееся отражение.

Сегодня или никогда.

Заказать грузовик, чтобы перевезти вещи, они не могут – нет денег. Так что придется уложить то, что поместится, в два чемодана и ехать на автобусе.

Они распрощаются с последними воспоминаниями о Фэрхоулме, о ее детстве, о матери. Летти положила руку на живот. Там ее ребенок. УЗИ показало, что это мальчик, и меньше чем через три месяца, в конце ноября, она уже будет няньчить своего малыша.

Или будет рыдать, когда отец ребенка навсегда заберет его у нее.

Летти вошла в крохотную кухню и сказала отцу:

– Папа, я иду получать оставшуюся зарплату. И куплю билеты на автобус.

– Я все равно не понимаю, почему именно Рочестер, – пробурчал он.

Она вздохнула:

– Я же тебе говорила. Моя подруга Белл знает там кое-кого, кто, в свою очередь, знает того, кто сможет помочь мне с работой. А ты пока что начинай укладывать вещи.

– У меня на сегодня другие планы, – сварливо пробормотал Говард.

– Папа, наша аренда кончается через два дня. Я не шучу, но если ты не упакуешь вещи, то я отдам их в скупку старья.

Отец сидел за расшатанным пластмассовым столом, где обычно решал кроссворды. На Летти он смотрел сердито и раздраженно.

– Тебе всего-то нужно сказать отцу ребенка, что ты беременна.

Этот спор они вели не один раз.

– Я не могу, – прошипела Летти. – Я же тебе говорила.

– Вздор. Летти, я не всегда буду рядом, чтобы помогать тебе. Я знал Дариуса мальчиком. – Отец повертел в руке кружку с нетронутым кофе. – У него доброе сердце.

– Я не делаю ставку на его доброе сердце, – с горечью ответила Летти. – Особенно после того, как он со мной обошелся.

– Я бы мог позвонить ему… – задумчиво произнес отец.

– Нет! – крикнула Летти. Глаза у нее горели. – Если ты еще хоть раз будешь действовать за моей спиной, я перестану с тобой разговаривать до конца моих дней. Ты понял? Навсегда!

– Ладно, ладно, – пробурчал Говард. – Но он – отец твоего ребенка. Тебе следует просто выйти за него замуж.

Летти потеряла дар речи. Наконец она сказала:

– Уложи вещи к моему возвращению, – и ушла.

На улице было серо и дождливо. В ресторане она забрала последний чек на получение зарплаты – жалкую сумму – и попрощалась с единственной подругой, официанткой Белл, и вышла из ресторана под дождь. Ей еще надо пойти в банк и получить по чеку зарплату, а затем купить два билета в один конец до Рочестера.

Промокшая насквозь, Летти вернулась домой, но отца в квартире не было, а все их вещи так и лежали на тех же местах, что и утром.

Придется все делать самой.

Все ценное имущество было отобрано федеральными властями и судом по делам о банкротстве. То, что осталось, Летти с отцом впихнули в эту тесную квартирку. Сломанная флейта, на которой мама играла в Джульярдской музыкальной школе в Нью-Йорке. Керамические фигурки животных – Констанс сама раскрашивала их и дарила дочке. Книги в кожаных переплетах из коллекции деда, теперь почти истлевшие. Прадедушкин корабль в бутылке. Рождественские украшения, сделанные руками бабушки Спенсер. Все это придется оставить здесь.

Летти разбирала вещи, когда услышала громкий стук в дверь. Она поднялась с колен. Наконец-то отец вернулся и поможет ей! Наверное, опять забыл ключ.

Открыв дверь, она ахнула.

На пороге стоял Дариус в черной застегнутой на все пуговицы рубашке и джинсах, плотно обтягивающих узкие бедра.

– Летти, привет, – холодно произнес он, и его взгляд упал ей на живот.

Летти хотела было захлопнуть дверь у него перед носом, но Дариус не дал ей этого сделать. Крепким плечом он распахнул дверь и вошел в квартиру.

Глава 4

Шесть месяцев Дариус жаждал отомстить. И удовлетворил свою месть, лишив Летисию Спенсер невинности и выгнав ее холодной зимней ночью. Он бросил ей в лицо деньги, заставил почувствовать себя дешевкой.

Но с тех пор, к своему ужасу, он открыл для себя цену мести.

В детстве бабушка часто говорила ему, что месть калечит человека, совершившего ее, больше, чем жертву мести. Когда дети в школе насмехались над ним, кричали: «Даже твоя mitera[3 - Мать (греч.).] от тебя отказалась», – бабушка учила его не обращать на насмешки внимания.

Он пытался, но насмешки мальчишек от этого не прекратились, и тогда он полез в драку, и дразнить его перестали.

Но на этот раз бабушка оказалась бы права: месть Дариуса против Летти ранила его сильнее, чем он себе представлял.

Вместо того чтобы погасить пламя, та ночь лишь разожгла его желание.

«Он хочет ее».

Каждый день в течение шести месяцев он ждал вестей от Летти. И если не ради постели с ним, то ради денег.

Но она пропала. Он вызвал в памяти ее лицо с загнанным выражением в глазах, когда она сказала, что любит его. А что сделал он? Лишил ее невинности и бессердечно отбросил.

Мог ли он ошибиться в ней?

Лишенный двадцати четырех часов рабочего дня – к чему он привык за десять лет, – он не знал, чем заполнить свое время. Он потратил часть состояния на покупки: гоночного автомобиля и еще десяти машин, гоночного трека, четырех самолетов. Ничего не помогло. Затем он испробовал экстремальные виды спорта: затяжные прыжки с парашютом, горные лыжи. Оказалось скучно.

Его окружали красивые женщины, жаждущие его внимания. А он не хотел ни одну из них.

Ему надоело все, он был раздражен и зол. Потому что даже бесконечное свободное время и деньги не давали ему того, чего он на самом деле хотел.

«Летти».

Сейчас, видя ее, такую красивую… и беременную, он возненавидел себя за свою месть. Не важно, что она это заслужила, но куда же завели его ненависть и похоть?

Беременная. Его ребенком.

В белой растянутой футболке и мешковатых джинсах Летти выглядела более сексуальной, более желанной, чем спички-модели в обтягивающих коктейльных платьях. Полнота беременной Летти на удивление привлекательна. Кожа у нее словно светится. Грудь стала еще больше. Он перевел взгляд на ее живот.

– Значит, это правда. Ты беременна.

Летти застыла. Затем расправила плечи, вскинула голову.

– И что из этого?

– Ребенок мой?

– Твой? – Глаза гневно сверкнули, а под глазами синева, словно она не выспалась. – С чего ты взял, что ребенок твой? Может, я спала с кучей мужчин после той ночи. Может, я спала с сотней…

Дариусу едва не стало дурно при мысли, что она спала с другими мужчинами.

– Ты лжешь.

– Откуда тебе известно?

– Твой отец сказал мне.

Летти побледнела и сникла:

– Мой… отец? А если он солгал? – У Летти был такой вид, что сейчас она упадет.

– Сядь, – приказал Дариус. – Я принесу тебе воды. Потом мы поговорим.

Летти опустилась на старый раздвижной диван.

Он огляделся, потрясенный тем, что Летти, родившаяся в Фэрхоулме, где было сорок комнат, сейчас ютится с отцом в квартире такого же размера, как и комната, в которой ее мать составляла букеты цветов для солярия.

Везде коробки и какое-то барахло, сложенное рядом со старым телевизором.

Дариус прошел по истертому ковру на кухню размером с телефонную будку и порванным линолеумом на полу. В слабом солнечном свете плавали пылинки. Окно с решеткой выходило на вентиляционную шахту и на другие квартиры всего в нескольких ярдах. Помещение было похоже на тюрьму.

«Они и этого не заслуживают», – мрачно сказал себе он.

Дом его детства в Гераклиосе выглядел хуже. Здесь, по крайней мере, есть электричество и водопровод. И есть хотя бы один из родителей.

Обоих родителей Дариус лишился – но по разным причинам – через два дня после рождения. Его безработный отец обнаружил новорожденного сына, плачущего в корзинке под дверью, – ребенка там оставила под дождем его прежняя любовница, избалованная наследница, которой ребенок был ни к чему.

Уволенный с работы, Юджиниус Кириллос не смог найти другую работу. Богатые греческие отцы не желали рисковать добродетелью дочерей, нанимая шофера, который не соблюдает свой статус. Отчаявшись, он отправился в Америку, а крошку сына оставил на воспитание бабушке, жившей у моря в убогом домишке.

Впервые Дариус увидел отца на похоронах бабушки – ему тогда было одиннадцать лет. Отец забрал его из Греции и увез в Америку.

Фэрхоулм казался Дариусу экзотическим местом, где все говорили на непонятном языке. Да и отец был ему чужой. Он работал шофером у Говарда Спенсера, и этот американец представлялся мальчику королем.

И вот до чего докатились Спенсеры сейчас.

Дариус очень давно снес бабушкину лачугу в Гераклиосе и построил там шикарную виллу. У него были пентхаус на Манхэттене, шале в Швейцарии, личный гоночный трек в пригороде Лондона. Его состояние превосходило состояние богача Говарда Спенсера во много раз.

Но вместо торжества Дариуса охватило ощущение неловкости, когда он прошел в темную кухню и налил в стакан воды из-под крана. Вернувшись в такую же унылую гостиную, он протянул Летти стакан.

– Куда вы собрались уезжать?

– Туда, где ты нас не найдешь.

Дариус с мрачным видом внимательно смотрел на Летти. После разговора с Говардом Спенсером он навел справки и узнал, что она только что уволилась из ресторана. Никто из служащих не помнил, чтобы с ней бывал какой-нибудь мужчина. За исключением официантки Белл – она описала самого Дариуса.

Судя по всему, он ошибся – Летти не была вымогательницей. Ни с ним, ни с другими мужчина ми.

После того как десять лет назад она разбила ему сердце, сообщив, что оставляет его ради более богатого человека, он поверил, что в его жизни все повторяется.

Его собственная мать оставила его, двух дней от роду, по той же причине. Для Каллы он был нежелательным результатом связи на одну ночь с шофером ее богатой семьи. Она собиралась выйти замуж так, как приличествовало ее

положению в обществе. Ее интересовало исключительно это, и еще деньги.

Но Летти другая. По крайней мере, теперь стала другой.

Дариус сел на диван рядом с ней.

– Почему ты не пришла ко мне, когда узнала, что беременна? Я бы дал тебе все, в чем ты нуждаешься и даже больше.

– Дал? Ты только умеешь брать! Ты угрожал мне забрать ребенка!

Он стиснул зубы.

– Мы могли бы договориться.

– Ты грозился купить моего ребенка, а если я откажусь, то ты забрал бы его у меня и… Что ты сказал? А, уничтожишь меня.

Дариуса покоробило. Он не хотел, чтобы ему напоминали о том, что он сказал шесть месяцев назад. Он сердито посмотрел на Летти:

– Пей воду.

Она понюхала стакан.

– Что ты туда насыпал? Какой-нибудь препарат, чтобы я отключилась, а ты отвезешь меня в трущобу за Девяносто шестой улицей?[4 - Севернее Девяносто шестой улицы (улица миллионеров) Парк-авеню превращается в район нищеты.]

Дариус фыркнул:

– Вода из крана у тебя на кухне. Не хочешь – не пей. Я просто подумал, что ты очень бледная.

Летти смерила его настороженным взглядом и сделала маленький глоток.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Порт-кошер – въездная арка для автомобиля. (Здесь и далее примеч. пер.)

2

Любовь моя (греч.).

3

Мать (греч.).

4

Севернее Девяносто шестой улицы (улица миллионеров) Парк-авеню превращается в район нищеты.

Купить: https://tellnovel.com/dzhenni-lukas/takoe-prostoe-schast-e

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити